

УДК 947.608.43:323.3:364.6–053.2(043.3)

Воспитательные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей в 1920-е годы

А.П. СОЛОВЬЯНОВ

В статье исследуется деятельность детских учреждений для несовершеннолетних, совершивших правонарушения, для которых была применена мера изоляции от общества. Указываются основные недостатки и положительные стороны в организации и функционировании данных учреждений. Показано положение подростков и молодых людей, выпускаемых из учреждений исправительного воспитания.

Ключевые слова: несовершеннолетние правонарушители, распределитель, комиссии, БССР, воспитание.

This article examines the activities of child care for young offenders administered a measure of isolation from society. It identifies the main shortcomings and positive aspects in the organization and functioning of these institutions. It shows the position of adolescents and young adults discharged from correctional institutions of education.

Keywords: juvenile offenders, distributor, commissions, BSSR, education.

В начале 1920-х годов одной из тяжелейших проблем советского общества являлась детская преступность. Грабежи, кражи, взломы магазинов, совершаемые подростками, стали довольно распространенными явлениями того времени. Новое советское государство и общество не хотели мириться с таким положением и предпринимали шаги по сокращению правонарушений несовершеннолетних. Острейшим вопросом в деятельности правоохранительных органов и комиссий по делам несовершеннолетних (комиссий) стало фактическое отсутствие учреждений воспитательного типа для малолетних преступников.

Задержанные милицией дети и подростки первоначально препровождались в детский приемный пункт (приемник) [1, л. 192]. Приемники должны были заменить собою участки милиции, привод в которые несовершеннолетних являлся во всех отношениях нежелательным. Он являлся местом кратковременной и предварительной изоляции малолетнего, необходимой как для производства первоначального опроса, так и для содержания ребенка в случае невозможности или нежелательности устроить его иным образом до рассмотрения дела комиссией. Приемники должны были существовать при каждой комиссии, в каждом уезде (районе), но на практике приемники были открыты не везде. Во многих уездах, например в Климовичском, они так и не были созданы [2, л. 99]. Более того, некоторые из действующих даже закрывались. Так, в 1926 г. был закрыт приемник в Витебске, в результате чего в городе усложнилась правовая защита детей [3, л. 239].

Далее до рассмотрения дела в комиссии несовершеннолетние распределялись следующим образом: если имелись родители, определенное место жительства и ребенок был замечен в совершении правонарушения в первый раз, то он отдавался под их надзор; все беспризорные, не имеющие родных, и все несовершеннолетние, совершившие правонарушения и не имеющие постоянного местожительства, направлялись в распределительный пункт (распределитель); правонарушители-рецидивисты также посылались в распределитель, но уже для особого наблюдения и медико-психологического обследования.

Что собой представляло это учреждение, можно понять, рассмотрев условия жизни в Витебском распределителе. В 1921 г. ввиду отсутствия общежития для несовершеннолетних, прошедших через комиссии, приходилось некоторых освобожденных содержать в распределительном пункте, что было вредным для последних и часто ставило в безвыходное положение комиссию, лишая ее возможности посылать в пункт несовершеннолетних, крайне нуждающихся в психологическом наблюдении [4, с. 27]. В 1922 г. распределитель находился в

тесном и непригодном помещении. Детям не хватало обуви и пальто, совершенно отсутствовала теплая зимняя одежда. В этом заведении было холодно и голодно. Все это стимулировало побеги детей [5, л. 5]. Положение распределителя не менялось на протяжении многих лет. В 1928 г. он также находился в очень тяжелых материальных условиях: не хватало помещений, средства отпускались на содержание 10 детей, тогда как постоянно там находилось 20–25, отсутствовала одежда [3, л. 239]. Только в следующем году распределитель был переведен в лучшее помещение [6, л. 33]. В этом учреждении дети должны были находиться не более 2,5 месяцев, но были случаи, когда подростки задерживались там на два года, совершенно не исправлялись и негативно влияли на вновь поступивших ребят. Кроме того, в распределителе жили уже взрослые юноши, которые работали на предприятиях и вносили разлад в детский коллектив [7, л. 246].

Поскольку функции детских приемников и наблюдательно-распределительных пунктов тесно переплетались, то с течением времени они слились в единое учреждение – детский приемник-распределитель [8, с. 21]. После проведения наблюдения и психомедицинского обследования несовершеннолетние поступали для слушания дела в комиссию, которая зачастую направляла их в воспитательные учреждения.

На территории Беларуси ощущалась острая нехватка учреждений для несовершеннолетних правонарушителей. Из-за этого особо опасных из них отправляли в Московский реформаториум (Рукавишниковский приют) [9, л. 53], [10]. По признанию Витебской комиссии, помещать такой контингент в трудовую колонию не представлялось возможным из-за опасного поведения и развращающего влияния на остальных детей [11, л. 104]. Крайне мало было учреждений, где могли содержаться девочки-правонарушительницы, поэтому их тоже направляли в детские учреждения Петрограда и Москвы (1918–1921 гг.) [11], [12], [13]. Выход стремились найти разнообразными путями. Так, коллегия Народного комиссариата просвещения (НКП) Беларуси 11.05.1922 г. постановила содержать в исправительных учреждениях для малолетних преступников, находящихся в ведении НКП, детей лишь до 16-летнего возраста [1]. Однако полностью решить данную проблему не удалось. В 1925 г. Минский окружной отдел народного образования (ОНО) указывал на отсутствие отделения для девочек-правонарушительниц при Институте социального перевоспитания [14, л. 72]. И в 1929 г. учреждение для данного контингента отсутствовало. НКВД в этом же году ставил вопрос об открытии реформаториума для девочек [15, л. 29 об.], [16, с. 8].

К сожалению, официальная статистика не дает полных сведений о численности учреждений для несовершеннолетних правонарушителей. Имеются лишь разрозненные данные, на основании которых можно сделать вывод о наличии на территории Беларуси практически всех типов учреждений для несовершеннолетних, в основном исправительных колоний, домов малолетних преступников, реформаториумов, но их было явно недостаточно. В 1923 г. в БССР функционировал только детский дом-коллектор для социального перевоспитания морально дефективных детей, принимающий несовершеннолетних от целого ряда организаций: ГПУ, угрозыска, милиции, детдомов. В 1924 г. до укрупнения в БССР числилось 6 учреждений для дефективных детей (с 267 детьми). На базе Минского и Могилевского детских домов был создан Институт социального перевоспитания НКП БССР для трудновоспитуемых правонарушителей-рецидивистов [17, с. 231, 234]. В 1926 г. в БССР имелись Институт социального перевоспитания на 80 детей и детский дом для трудновоспитуемых подростков в Витебске на 30 детей [18, л. 9 об.]. В 1927–1928 уч. г. насчитывалось 5 учреждений для умственно отсталых и трудновоспитуемых детей (детдома, колонии), в которых содержалось 279 детей (в т. ч. 44 девочки) [19, с. 77–79].

В 1928 г. в БССР были определены типы детских учреждений для несовершеннолетних правонарушителей: а) детский дом для детей от 8 до 14 лет; б) изолированный детский дом, рассчитанный на детей того же возраста, не поддающихся педагогическому влиянию обычных домов социального перевоспитания, опасных для общества и требующих постоянного контроля; в) трудовая колония для подростков-правонарушителей и беспризорников от 12 до 17 лет, где они получали профессиональную квалификацию [20, с. 6–7].

К 1929 г. сложилась определенная система воспитательных учреждений. Это Могилевская детская коммуна, Белорусский институт социального перевоспитания (который являлся в масштабе Беларуси почти единственным учреждением специального перевоспитательного типа), Борисовский реформаториум. Однако полноценной, разветвленной системы перевоспитательных учреждений не было [21, с. 68].

В БССР (как и в целом по СССР) не было единой системы изоляции воспитанников. Одни учреждения в целях предупреждения побегов укрепляли свои здания оградами, охранниками, решетками; другие, например Институт социального перевоспитания, применяли систему открытых дверей.

Учреждения перевоспитания для несовершеннолетних правонарушителей и неисправимых беспризорников находились не в лучшем положении, чем обычные детдома. Комиссия, проверявшая в 1923 г. детскую колонию «Анополь» Минского уезда, констатировала: «За лето никакого ремонта в доме не было, стекла побиты... печи не все в исправности, ни одна дверь не имела ручки. Всюду грязь, паутина. Внешний вид спален ужасен – полное отсутствие простыней, подушек, затасканные грязные тюфяки, из которых сыпалась какая-то труха, паразиты кишели в одеялах. Дети грязные, с длинными всклокоченными волосами, паразиты на одежде, в голове. Бани не было около двух месяцев, белье не стиралось – дров не было. Спальни не отапливались – всюду холод, сырость. Питание отвратительное – капуста на обед изо дня в день и гнилая картошка, которую дети выкидывали из супа. Были дни, когда дети оставались без хлеба. Дом был погружен во мрак, ни одной лампы, только две коптилки. Помещения для школьных занятий не было, дети занимались, сидя на кроватях». Врач, прикрепленный к колонии, от систематического лечения детей отказался, ссылаясь на отсутствие времени [22]. Большими усилиями в колонии был наведен порядок.

Однако некоторые детские учреждения даже в относительно тяжелые времена находились в хорошем состоянии.

Общей для всех учреждений была проблема нехватки специализированных кадров воспитателей и педагогов. Практически не было педагогов-специалистов, знакомых с работой с трудновоспитуемыми детьми. К сожалению, престиж этой профессии не поддерживался государством материально. Опытные педагоги-специалисты не желали работать в учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей по причине мизерной оплаты труда, технический персонал получал еще меньше. Неудивительно, что последний часто расхищал имущество колоний. На совещании педагогического совета Борисовского трудового дома для несовершеннолетних правонарушителей указывалось, что на 36 руб. в месяц в данное учреждение шли те, кто не нужен был на рынке труда, и прямо говорилось, что «вредны такие голодные работники, которые съедают пайки воспитанников» [23, л. 150].

Школьные программы детучреждений не шли дальше четырехлетки. Исключением являлась Могилевская детская коммуна, при которой функционировала семилетка. Трудовое воспитание и ремесленное обучение были организованы плохо. По причине недостаточного оборудования мастерские не могли конкурировать с рынком, ограничивали свое производство только самообслуживанием. Приходилось приглашать низкопробных инструкторов-ремесленников, так как тяжело было найти квалифицированного работника за низкую зарплату, да еще с выездом в деревню. Можно с уверенностью сказать, что 90% всех побегов воспитанников и их жизненных срывов возникали именно на почве отрыва от мастерских и неумелого подхода к ним при обучении ремеслу. Мастерские детучреждений, за небольшим исключением, являлись скорее классами ручного труда и давали воспитанникам низкую квалификацию. Кроме того, эти мастерские не имели «официального лица», что не давало воспитанникам возможности получить работу по специальности. Исключением являлись, наверное, только столярная мастерская Борисовского реформаториума и слесарная мастерская Могилевской детской коммуны, показывавшие в деле перевоспитания и обучения значительные достижения. Однако даже успешное окончание данных мастерских не гарантировало последующего трудоустройства выпускника. Так, в 1928 г. Институт социального перевоспитания, несмотря на все старания, не смог направить на работу 6 воспитанников, кото-

рые очень успешно занимались. В связи с этим у ребят преваляло плохое настроение, а побегі учащались [21, с. 68, 72–74].

Нельзя не отметить, что некоторые воспитанники не поддавались педагогическому воздействию и вели себя вызывающе.

Согласно исправительно-трудоуому кодексу БССР, несовершеннолетние преступники должны были отбывать наказание в специально предназначенных для них исправительно-трудоуых учреждениях (ИТУ). Но таких ИТУ в Беларуси не было [24]. Поэтому часть подростков содержалась в исправдомах для взрослых (после революции тюрьмы были переименованы в исправительно-трудоуые дома). Так, при Витебском губисправдоме в 1921 г. имелись специальные камеры для несовершеннолетних, в которых содержалось от 7 до 10 чел. [25, с. 14]. В 1925 г. в исправительных домах (в местах заключения) БССР содержалось в среднем 77 подростков, а в 1926 г. – уже 86 [26, с. 149].

В 1928 г. по инициативе НКВД в г. Борисове был создан на основе бывшего исправдома для взрослых исправительно-трудоуой дом на 250 мест для несовершеннолетних правонарушителей в возрасте от 14 до 18 лет, приговоренных судами к лишению свободы [24, с. 22–24]. До открытия данного учреждения его будущие воспитанники бродяжничали по улицам крупных городов, поскольку их некуда было деть. После открытия реформаториума окружные деткомиссии получили разверстку, выловили и прислали беспризорных. Однако воспитательный процесс не заладился. НКВД не справился с поставленной задачей, поскольку работники и хотели бы что-то сделать, но не знали, как взяться за организационно-воспитательную работу. Не хватало педагогического персонала, работала только одна столлярная мастерская на 15 чел., поэтому многие воспитанники не знали, чем заняться; неудачно было организовано самоуправление. Здание бывшего исправдома находилось в удручающем состоянии: в окнах с решетками – разбитые стекла, выломанные рамы, в классных комнатах зимой замерзала вода. Массовыми были побегі. В реформаториуме произошел бунт несовершеннолетних, затем поджог. В 1929 г. директор и заведующий воспитательной частью были уволены. Бюро Борисовского РК КП(б)Б посчитало необходимым передать реформаториум исключительно НКП [16, с. 7].

Положение подростков и молодых людей, выпускаемых из учреждений исправительного воспитания, было трудным. Находясь в учреждении, они несколько отвыкали от трудных условий борьбы за существование; полная свобода на первых порах манила их многими соблазнами; отношение к ним со стороны родных и общества далеко не всегда было благоприятным, существовало сомнение в том, что они исправятся. В условиях высокой безработицы в стране, после выхода на свободу подросток не всегда мог сразу найти себе работу.

Несовершеннолетнему после освобождения для недопущения рецидива необходимо было дать хотя бы временный приют. В этих целях в апреле 1922 г. НКЮ было утверждено «Положение о Комитетах помощи освобожденным из мест заключения». Освобождаемые из трудоуых домов и аналогичных им учреждений несовершеннолетние, которые не могли быть оставлены на попечении семьи, обязательно направлялись в общежитие комитетов и размещались отдельно. Комитет оказывал содействие освобожденным. Проживающие в общежитиях обеспечивались питанием и по назначению заведующего выполняли работы с выплатой установленного заработка. Решались вопросы временного трудоустройства до нахождения постоянной работы и устройства быта. Однако во второй половине 1920-х гг. деятельность комитетов была свернута.

В целом, успешную деятельность государства и общества по ограничению преступности несовершеннолетних сдерживало много факторов. Прежде всего, это излишне либеральное законодательство и мягкие решения, выносимые комиссиями по делам несовершеннолетних. Не менее важным был острый недостаток специализированных детских учреждений, в особенности для девочек-правонарушительниц и подростков, совершивших особо тяжкие правонарушения. Было очевидно, что содержание подростков в общих тюрьмах, даже в отдельных камерах, негативно сказывалось на психике несовершеннолетних и имело отрицательные последствия. Естественно, что к крайне негативным результатам приводило и пол-

ное оставление ребенка на улице, поскольку «его некуда было девать», что содействовало его приобщению к уголовному миру. Стремление исправить, переломить ситуацию наблюдалось в большей степени у правоохранительных органов, поскольку они в первую очередь сталкивались с несовершеннолетними преступниками и видели пути выхода. НКВД ратовал за упрощение бюрократической процедуры определения наказания ребенку и часто выступал инициатором создания детских исправительных учреждений. Однако практика показала, что полное подчинение таких заведений правоохранительным органам не оправдывало себя. Нумерный подбор педагогического и воспитательного персонала, отсутствие опыта, грамотно поставленной педагогической работы, нехватка различных мастерских приводили к негативному результату, что демонстрировали события, происходившие в упоминавшемся ранее Борисовском реформаториуме.

В то же время были и положительные моменты: создание разветвленной сети детских учреждений, приобщение к труду, обучение профессии, запрет рукоприкладства и т. д. Важно отметить, что многие действия государства и общества по созданию и функционированию воспитательных учреждений для подростков достигли своей цели. Большинство бывших несовершеннолетних правонарушителей встали на путь исправления и нашли свое место во взрослой жизни.

Литература

1. Государственный архив Минской области (ГАМО). – Ф. 322. – Оп. 1. – Д. 88. Циркуляры, распоряжения, протоколы заседаний коллегии Наркомпроса о постановке и организации народного просвещения в городе, список детей, прибывших из Поволжья в детдома г. Минска (февраль 1922 г. – январь 1923 г.).
2. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 60. – Оп. 1. – Д. 80. Выписки из протоколов заседаний бюро губкома РКП(б), приказы ГИКа и циркуляры губоно (1925 г.).
3. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 10051. – Оп. 1. – Д. 693. Протоколы заседаний бюро окружкома КП(б)Б (апрель 1928 г. – июнь 1928 г.).
4. Отчет Витебского Губернского Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов XI съезду Советов за время с 1 октября 1922 г. по 1 октября 1923 г. – Витебск : Коминтерн, 1923. – 253 с.
5. ГАВО. – Ф. 2351. – Оп. 1. – Д. 6. Статистические сведения о работе комиссии несовершеннолетних преступников (1923 г.).
6. ГАВО. – Ф. 10051. – Оп. 1. – Д. 796. Протокол совещания директоров учебных заведений города. Отчеты о состоянии детских учреждений, о проведении месячника бережливости. Итоги работы государственного исторического музея (сентябрь 1929 г. – май 1930 г.).
7. ГАВО. – Ф. 933. – Оп. 1. – Д. 88. Устав Белорусского общества «Друзья детей», приказы председателя правления Витебского городского общества «Друзья детей» по основной деятельности и личному составу, отчеты о работе общества за 1931 г. (январь 1931 г. – декабрь 1931 г.).
8. Отчет Минского городского исполнительного комитета Совета рабочих и красноармейских депутатов 7 созыва (с 1 окт. 1922 г. по 1 июня 1923 г.). – Минск, 1923. – 139 с.
9. ГАВО. – Ф. 2351. – Оп. 1. – Д. 8. Переписка с подотделами дефективных детей уездных отделов народного образования о несовершеннолетних правонарушителях и заявления последних в Витгубоно (1920 г.).
10. Государственный архив Могилевской области (ГАМГО). – Ф. 468. – Оп. 1. – Д. 4. Переписка с народным комиссариатом и уездными отделами здравоохранения, аптеками и складами (апрель 1919 г.).
11. ГАВО. – Ф. 2351. – Оп. 2. – Д. 899. Дело по обвинению гр. Саснер Рины в убийстве (1920–1921 гг.).
12. ГАВО. – Ф. 2351. – Оп. 2. – Д. 279. Дело по обвинению гр. Еминой Веры в проституции и бегстве из лагеря (1920 г.).

13. ГАВО. – Ф. 2351. – Оп. 2. – Д. 8. Дело по обвинению Анны Авсеевой в краже курей (1918 г.).
14. ГАМО. – Ф. 321. – Оп. 1. – Д. 112. Отчеты о работе окружной комиссии по делам о несовершеннолетних и списки правонарушителей за 1925–1926 гг.
15. ГАМО. – Ф. 12п. – Оп. 1. – Д. 1000. Документы о работе окружных обществ Красного Креста, Осоавиахима, Союза безбожников и др. общественных организаций (инструкции, протоколы, отчеты, сведения и др.) за 1928–1929 гг.
16. Барацьба з дзіцячай бяспрытульнасцю ў БССР : зборнік / Цэнтр. дзіцячая каміс. пры Цэнтр. выкан. кам. БССР. – Мінск, 1929. – 52 с.
17. Справаздача ўрада Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі VII Усебеларускаму з'езду Саветаў. – Мінск : Выд. Цэнтр. вык. кам. БССР, 1925. – 346 с.
18. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 1. – Д. 799. Планы работы детдомов, дефективных учреждений, учреждений по ликвидации беспризорности в БССР на 1925/26 гг.
19. Белорусская ССР в цифрах : к 10-летию существования БССР, 1919–1929 гг. / Центр. стат. упр. – Минск, 1929. – 534 с.
20. Сістэма народнай асветы Беларускай Савецкай Сацыялістычнай рэспублікі. Кіраўніцтва спраў СНК і эканамічнай нарады БССР. – Менск : Белдзяржвыд, 1928. – 40 с.
21. Маскалевіч, З. Проблема сацыяльнага перавыхавання на Беларусі / З. Маскалевіч // Камуніст. выхаванне. – 1930. – № 2. – С. 67–75.
22. ГАМО. – Ф. 333. – Оп. 1. – Д. 100. Приказ № 21 по город. ОНО, протоколы заседаний пед. Совета дет. колоний уезда, общих собраний учителей и технического персонала колоний, акты обследования комиссией отдела детских колоний и списки воспитанников и обслуживающего персонала колоний за 1923 г. (февраль 1923 г. – декабрь 1923 г.).
23. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 101. – Оп. 1. – Д. 3339. Материалы обследования работы детдомов и учреждений социального воспитания по Белоруссии (выписки из протоколов заседаний, акты, доклады, рабочие программы, производственные планы) (декабрь 1928 г. – сентябрь 1929 г.).
24. Вениосов, А.В. Организационно-правовые основы исполнения наказания в Беларуси в 1924–1928 годах : учеб. пособие / А.В. Вениосов. – Минск : Акад. МВД Республики Беларусь, 2001. – 28 с.
25. Отчет Витебского Губернского экономического совещания совету труда и обороны: январь – октябрь 1921 г. – Витебск : 1-ая гос. тип., 1922. – 141 с.
26. Статыстычны штогоднік: 1925–1926. – Мінск : Выд. Цэнтр. стат. упр. БССР, 1928. – 527 с.